

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

132974

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

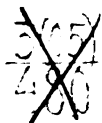
ТОМЪ СLXXXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, № 40.

1891

ВОСПОМИНАНІЯ ОФИЦЕРА

О ТУРКЕСТАНСКИХЪ ПОХОДАХЪ 1864—1865 ГГ.

1864 г.

Весело встрѣтили алматинцы новый 1864 годъ, но въ разгаръ самаго шумнаго веселья въ Вѣрномъ дѣлались уже приготовления къ предстоящей за-чуйской экспедиціи.

Начальникъ Алатаускаго округа, генераль-маіоръ Колпаковскій, еще въ январѣ поручилъ исыкульскому отрядному начальнику, маіору Еленскому, закупить на Исыкулѣ воловъ для экспедиціоннаго транспорта. На мѣсто маіора Еленскаго начальникомъ упомянутаго отряда назначенъ былъ я, такъ какъ Еленскій предназначался командовать своднымъ баталіономъ, который генераль Колпаковскій намѣренъ былъ сформировать изъ стрѣлковыхъ ротъ сибирскихъ баталіоновъ, сосредоточенныхъ въ Вѣрномъ и окрестныхъ станицахъ. Скоро стало извѣстно, что начальникомъ отряда назначенъ полковникъ генеральнаго штаба Черняевъ. Какъ офицеръ Западно-Сибирскаго линейнаго № 8-го баталіона, назначеннаго въ походъ въ полномъ составѣ, я явился полковнику Черняеву.

3-го мая 1864 года назначено было выступленіе отряда. Въ 10 часовъ утра за Коскеленскими воротами построились въ каре всѣ части войскъ, выступавшія въ походъ. День былъ ясный, даже на Алатаускихъ горахъ не дымилось ни одной тучки. Степь, еще не выжженная солнцемъ, пестрѣла разноцвѣтными тюльпанами, алымъ макомъ, голубыми незабудками. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ богородской травы, залегающей по степи около Вѣрнаго большими площадями. Изъ всѣхъ частей, выступавшихъ въ отрядъ, принесли образа. На приготовленномъ аналоѣ священникъ Вѣрненской церкви, отецъ Александръ, отслужилъ напутственный молебенъ съ водоосвященіемъ, окропилъ войска св. водою, затѣмъ, сказавъ нѣсколько задушевныхъ, глубоко прочувствованныхъ словъ и прощаясь съ отрядомъ, поклонился до земли. Трогательна и торжественна была эта минута; но раздалось «смирно!» и всѣ стали по мѣстамъ. Пол-

ковникъ Черняевъ объѣхалъ по фронту, поздравилъ съ походомъ, и отрядъ тронулся.

Первый переходъ былъ небольшой, до р. Аксая, на которой остановился отрядъ для ночлега,—отъ Вѣрнаго только 15 верстъ. Не знаю почему, отрядъ нашъ именовался «летучимъ»: нашъ громадный обозъ годился бы для цѣлой арміи, а не только отряду, численностью своею едва превышавшему 2,000 человекъ.

Въ прежнее время наши линейные солдаты и казаки понятія не имѣли о палаткахъ, даже офицеры и тѣ не всѣ находили необходимымъ обзаводиться на походъ какимъ-либо импровизованнымъ шатромъ; казенныхъ палатокъ вовсе не полагалось. По приходѣ на ночлегъ части располагались бивакомъ; за козлами ружей сваливались походные солдатскіе мѣшки, служившіе изголовьемъ. Такимъ образомъ въ случаѣ надобности солдатъ готовъ былъ къ бою въ одну минуту; но каково то было въ ненастье, холодъ или 40° жары, но и тутъ находчивость солдата выручала его: если подъ рукою не было бурьяна или кустарника, изъ котораго можно бы сдѣлать шалашь или балаганъ, солдатъ накидывалъ свой плащъ на козлы ружей и подъ его тѣнью находилъ защиту хотя для одной головы, во все не заботясь объ остальныхъ частяхъ своего тѣла. Вообще выносливость линейнаго солдата, руками котораго построены всѣ степные города, укрѣпленія, пикеты, разработаны дороги, какъ Гасфортовскій перевалъ около Копала, построены мосты, на многихъ рѣкахъ въ Семирѣченскомъ краѣ, достойна удивленія. И тотъ же труженикъ-солдатъ почти каждый годъ дѣлалъ по степи тысячеверстные походы, о которыхъ нѣтъ и помина въ его формулярѣ. Гдѣ, напримѣръ, въ нашихъ хроникахъ значится, кѣмъ и когда заняты и построены укр. Копаль, Вѣрное и другіе, а между тѣмъ это дѣло нашего славнаго 8-го Сибирскаго, нынѣ 12-го, Туркестанскаго линейнаго баталіона, передвинутаго для занятія Копала въ 1848 году изъ Семипалатинска, а въ 1853 году направленнаго дальше въ степь за р. Или въ отрядъ, подъ начальствомъ пристава при киргизахъ Большой Орды, майора Перемышльскаго, основавшаго въ слѣдующемъ 1854 году нынѣшній цвѣтущій городъ Вѣрный.

Съ Аксая отрядъ перешелъ до уроч. Коскелена; здѣсь я приступилъ къ принятію стрѣлковой роты нашего баталіона.

Пространство отъ Коскелена до укр. Кастека (¹) мы прошли въ

(¹) Укр. Кастекъ до 1864 года было передовымъ пунктомъ къ Коканскимъ владѣніямъ со стороны Сибири, какъ Джулекъ со стороны Оренбурга. Кастекъ основанъ въ 1859 году генеральнаго штаба штабъ-капитаномъ Венюковымъ.

два перехода, на Кастекѣ пробыли дня три и затѣмъ направились къ Кастекскому ущелью.

Еще раньше выступленія отряда изъ Вѣрнаго выслана была въ Кастекское ущелье команда для разработки въ немъ дороги. Въ ущельи этомъ только одинъ крутой перевальчезь гору, но на дѣлѣ оказалось, что въ маѣ мѣсяцѣ, во время самаго сильнаго половодья въ горныхъ ключахъ и рѣчкахъ, оно съ трудомъ проходимо. Какъ артилерію, такъ и обозъ приходилось перетаскивать съ одного берега рѣчки Кастека на другой съ помощью людей, а такихъ переправъ было очень много, такъ какъ дорога по извилистому ущелью была разработана, смотря по удобству, то съ одной, то съ другой стороны рѣчки. Иногда приходилось тащить обозъ вверхъ по руслу рѣчки, усыпанному огромнымъ булыжникомъ и острыми обломками скалъ. Въ особенности было много хлопотъ съ воловьимъ транспортомъ: запрягнутся въ водѣ быкъ,—не остается ничего дѣлать, какъ выпрягать его и замѣнить другимъ, а нѣтъ—такъ тащить телѣгу людьми, почти по поясъ въ водѣ, при сильной быстротѣ.

Когда отрядъ прошелъ по ущелью до мѣста, откуда не предстояло больше переправъ, люди перекрестились; впереди хотя виднѣлась высокая крутая гора, чезъ которую надо было перевалить, но это не страшило ихъ. Правѣ Кастекскаго ущелья на одинъ переходъ есть ущелье Бишмайнакъ, гдѣ подъемы и спуски гораздо круче, чѣмъ въ Кастекскомъ ущельи, но солдаты наши съ охотою перетаскивали чезъ нихъ батарейныя орудія и обозъ во время экспедицій: въ 1859 году—для рекогносцировки Чуйской долины, подъ начальствомъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Венюкова; въ 1860 году—для овладѣнія коканскими крѣпостями Токмакомъ и Пишпекомъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Цимермана; въ 1862 году—для вторичнаго взятія и разрушенія возобновленнаго Пишпека, подъ начальствомъ полковника Колпаковского, и, наконецъ, въ 1863 году—для рекогносцировки Чуйской долины до Аулиеата, подъ начальствомъ подполковника Лерхе.

Съ Кастекскаго перевала дорога шла по отлогимъ скатамъ южнаго склона горъ, но и тутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ приходилось спускать орудія и обозъ цѣлыми взводами.

Выйдя на Чуйскую долину и переправаясь чезъ Чу, отрядъ остановился на берегу этой рѣчки, не доходя трехъ верстъ до разрушеннаго коканскаго укр. Токмакъ, о которомъ я упомянулъ выше. Здѣсь мы простояли четыре дня въ ожиданіи отправленныхъ еще изъ Вѣрнаго транспортовъ съ провіантомъ, а также милиціоне-

ровъ-киргизъ, спѣшившихъ изъ всѣхъ волостей Алатаускаго округа присоединиться къ нашему отряду, чтобы при случаѣ поживиться на счетъ коканцевъ, обиравшихъ и угнетавшихъ ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Такихъ охотниковъ-милиціонеровъ въ послѣдствіи насчитывалось при отрядѣ до 1,000 человѣкъ, но пользы отъ нихъ было очень мало.

На мѣстѣ расположенія отряда на Чу разбито укрѣпленіе, названное такъ же, какъ и бывшее коканское, Токмакъ; укрѣпленіе это строила прибывшая вслѣдъ за отрядомъ стрѣлковая рота 7-го Сибирскаго баталіона, которою командовалъ штабъ-капитанъ Бахиревъ.

Въ Токмакѣ присоединились къ отряду ученый зоологъ Сѣверцевъ и горный инженеръ поручикъ Фрезе; сюда же прибылъ, въ качествѣ волонтера, инженеръ-поручикъ Макаровъ, въ послѣдствіи поступившій личнымъ адъютантомъ къ начальнику отряда.

Изъ Токмака мы выступили двумя эшелонами; въ первомъ эшелонѣ шли войска, имѣя съ собою легкій обозъ; во второмъ — находился транспортъ съ провіантомъ, артилерійскими снарядами, инженерными инструментами и другими тяжестями. Въ этотъ послѣдній эшелонъ назначались по очередно на два перехода по двѣ роты. И потрудились же эти роты при переправахъ транспорта чрезъ то и дѣло попадавшіяся рѣчки, овраги, арыки!

На первомъ переходѣ отъ Токмака стала попадаться огромная масса саранчи, еще не окрылившейся. Чрезъ нѣсколько дней саранча уже поднялась и тучами носилась надъ Чуйскою долиною. Мелкіе арыки буквально были завалены утонувшею дохлою саранчею. Масса живой саранчи съ жадностью пожирала погибшую. Степь поблекла, сожженная наступившими уже жарамы и обглоданная прожорливою саранчею. Воздухъ пропитался особымъ специфическимъ запахомъ, который, въ особенности въблизи арыковъ, наполненныхъ саранчею, становился до того невыносимымъ, что приходилось крѣпко зажимать носъ.

Отъ Токмака до Мерке отрядъ останавливался для ночлеговъ и дневокъ на тѣхъ же урочищахъ, гдѣ теперь построены почтовые станціи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались и поселенія. До Мерке Чуйская долина еще сносна: слѣва, на горахъ Александровскаго хребта, хотя не замѣтно лѣса, какъ противъ Токмака, но все-таки предгорья покрыты растительностью. Вправо отъ дороги зеленѣетъ полоса густаго камыша, окаймляющая мѣстами на десятки верстъ р. Чу: тамъ притонъ тигровъ, кабановъ; тамъ спо-

койно выводятся нѣкъмъ не тревожимыя безчисленныя множества гусей, утокъ, журавлей, куликовъ и другихъ болотныхъ птицъ тамъ же кишать міриады комаровъ и мошекъ и оттуда испаряются тѣ міазмы, порождающіе упорныя лихорадки, отъ которыхъ страдаютъ наши колонизаторы Чуйской долины.

На урочищѣ Куордаѣ получено извѣстіе, что въ крѣпостцѣ Мерке находится небольшой коканскій гарнизонъ. Тотчасъ послана туда сотня казаковъ съ ракетными станками, но съ приближеніемъ казаковъ коканцы поспѣшно бѣжали, оставивъ въ крѣпостцѣ разный домашній скарбъ, мертвую старуху и сухоногаго мальчика лѣтъ 15-ти.

Въ Мерке мы простояли дня четыре. Крѣпостца эта, чистая и красивая снаружи, была страшно загрязнена внутри. Потребовалось нѣсколько дней усиленной работы, чтобы очистить ее и приспособить къ оборонѣ. На одной изъ угловыхъ башенъ (юго-восточной) водруженъ былъ большой деревянный крестъ, на другой—поставлена на платформѣ $\frac{1}{4}$ -пуд. мортира. Въ Мерке оставленъ гарнизонъ изъ роты и нѣсколько казаковъ. Военскимъ начальникомъ этого вновь занятаго укрѣпленія назначенъ штабсъ-капитанъ нашего баталіона Шанявскій, который и оставался въ этой должности до 1867 года.

Отъ Мерке характеръ мѣстности принимаетъ все болѣе и болѣе пустынный видъ; самыя горы утомляютъ глаза своими пестрѣющими осыпями и голыми утесами. На третьемъ переходѣ до Аулиеата наши разъѣзды захватили киргиза, который показалъ, что въ Аулиеатѣ находилось до 4,000 гарнизона и много пушекъ.

Не доходя верстъ пяти до Аулиеата, мы остановились у садика на одномъ изъ рукавовъ р. Таласа. Самый городъ оттуда былъ едва виднѣнъ, но на мысѣ, которымъ оканчивается хребетъ горы Акыръ-Тюбе съ правой стороны Таласа, ясно была видна масса копошившагося народа, покрывавшая весь мысъ.

Оставивъ на мѣстѣ привала всѣ тяжести отряда, полковникъ Черняевъ тотчасъ двинулся на эти массы, которыя съ приближеніемъ отряда замѣтно стали рѣдѣть, но на гребнѣ мыса все-таки залегли смѣльчаки, открывшіе по насъ пальбу изъ турокъ. Двѣ, три ракеты и нѣсколько гранатъ, пущенныхъ по гребню мыса, не уняли однако коканцевъ; тогда полковникъ Черняевъ приказалъ моей ротѣ вытѣснить ихъ изъ занятой ими позиціи.

Разсыпавъ цѣпь, я сталъ подниматься въ гору; изъ-за камней съ вершины то и дѣло раздавались выстрѣлы: одна пуля съ виз-

гомъ пролетѣла подлѣ уха моей лошади и тутъ же ударилась о камень лопадъ взвилась на дыбы.

Когда моя рота поднялась на гребень, коканцевъ тамъ уже не было: стрѣлки мои успѣли сдѣлать только нѣсколько выстрѣловъ по отдѣльнымъ кучкамъ и одиночнымъ всадникамъ, переправлявшимся чрезъ Таласъ. Разсыпавъ роту по берегу, я завязалъ перестрѣлку съ коканцами, засѣвшими въ канавахъ и арыкахъ на противоположной сторонѣ рѣки, но перестрѣлка эта вскорѣ прекратилась: на скатѣ горы, обращенной къ городу, на которой насъ встрѣтили коканцы, артилерія выбрала позицію и немедленно приступила къ бомбардировкѣ города.

Разстояніе отъ позиціи до центра города и цитадели было болѣе двухъ верстъ; снаряды изъ батарейныхъ орудій долетали едва только до окраинъ города; но выпущенная изъ пятипудовой мортиры бомба разорвалась между цитаделью и внѣшнею стѣною города со стороны Таласа, тамъ, гдѣ былъ расположенъ коканскій лагерь. Въ лагерьѣ этомъ пестрѣли разноцвѣтные значки и палатки и копошились толпы конныхъ и пѣшихъ людей. Выпущенная вслѣдъ за первою еще другая бомба разорвалась также удачно; въ лагерьѣ сдѣлалась страшная суматоха: палатки исчезли и лагерь совершенно опустѣлъ.—на мѣстѣ его остались одни дымящіеся костры. Вскорѣ показался всадникъ въ бѣлой чалмѣ, на сѣромъ аргамакѣ, съ бѣлымъ значкомъ, скачущій изъ города. Переправясь чрезъ Таласъ въ виду отряда, онъ заявилъ, что посланъ аулиеатинскимъ бекомъ для переговоровъ. Полковникъ Черняевъ потребовалъ немедленной и безусловной сдачи города—чрезъ часъ и на это время приказалъ прекратить бомбардировку. Не прошло и часа, какъ тотъ же посланный возвратился изъ города. Достоверно не знаю, привезъ ли онъ отвѣтъ на словахъ или на бумагѣ, но въ отрядѣ разнеслась молва, что бекъ проситъ обождать три дня, послѣ чего сдать намъ городъ, если получить на то приказаніе изъ Ташкента. Такой-ли дѣйствительно полученъ былъ отвѣтъ начальникомъ отряда—не утверждаю; но судя по тому, что, едва посланный переправился обратно чрезъ Таласъ, полковникъ Черняевъ приказалъ снова стрѣлять по городу, можно заключить, что отвѣтъ могъ быть полученъ именно въ такомъ смыслѣ.

Утромъ 3-го іюня я получилъ приказаніе перейти съ ротою на лѣвый берегъ Таласа для рекогносцировки города. День былъ пасмурный: накрапывалъ дождикъ. Таласъ, какъ всякая горная рѣчка, къ утру значительно мелѣетъ: но все-таки чтобы переправить въ

бродъ чрезъ эту рѣку роту, потребовалось не мало хлопотъ. Я предоставилъ моимъ стрѣлкамъ на волю: разуться, или идти чрезъ рѣку въ сапогахъ; патронныя сумки велѣлъ привязать на головы, а ружья перекинуть чрезъ плечо. Солдаты, зная по опыту, что босою ногою легче найти точку опоры на днѣ рѣки, усыпанной скользкимъ булыжникомъ, разулись почти всѣ и по два въ рядъ пошли за жожаками, конными киргизами, отыскивавшими помельче бродъ. Самая трудная переправа была у праваго берега рѣки, гдѣ вода даже правофланговымъ достигала выше пояса, но за всѣмъ тѣмъ мы переправились благополучно; у одного только горниста выпалъ изъ ноженъ тесакъ, который и унесло теченіемъ, да два-три солдата, поскользнувшись, упали въ воду, но были удержаны своими товарищами.

Пройдя Таласъ, я двинулъ роту по направленію къ городу съ южной стороны и занялъ окрестныя сады. Изъ городской стѣны раздались ружейныя выстрѣлы. Вскорѣ подѣхалъ къ занятой мною позиціи полковникъ Лерхе съ сотнею сибирскихъ казаковъ есаула Калитѣва и двумя ракетными станками. Полковникъ Лерхе приказалъ мнѣ подвинуться еще впередъ.

Пользуясь мѣстностью, сплошь пересѣченною небольшими глиняными стѣнками, окружавшими сады и огороды за городомъ, я подошелъ почти въ упоръ къ городской стѣнѣ; правѣ меня, по лѣвому берегу Таласа, подошла также къ городу 3-я рота нашего же баталіона, которою командовалъ поручикъ Корсаковъ. Залегши за стѣнками, мы завязали перестрѣлку, цѣлясь на дымокъ въ бойницы или между зубцовъ стѣны, изъ-за которыхъ выглядывали коканцы. За стѣною слышенъ былъ шумъ и гамъ, заглушаемый рѣзкимъ звукомъ огромныхъ барабановъ; на стѣнѣ торчали кое-гдѣ пики и развѣвались значки: все это доказывало, что аулетинцы готовятся къ упорной оборонѣ. Затѣмъ я получилъ приказаніе двинуться вдоль городской стѣны влѣво, а поручику Корсакову велѣно отвести роту назадъ и оставаться въ резервѣ, внѣ сферы ружейнаго огня.

Пользуясь упомянутымъ прикрытіемъ, я провелъ роту вдоль всей южной стороны города и вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ безъ всякой потери. При поворотѣ на западную сторону города я сошелся съ казаками, построенными полковникомъ Лерхе лавою; они готовились броситься въ атаку на выдвинутую изъ города непріятельскую колонну, впереди которой джигитовали наѣзники, какъ бы вызывая казаковъ помѣряться силами въ одиночномъ бою; но вотъ зашипѣла наша ракета, какъ змѣя пронеслась надъ джигитами и разорвалась надъ самою коканскою колонною; за ней — другая, третья:

джигиты тотчасъ повернули вспять, а за ними и вся колонна, скрывшаяся за уступомъ стѣны. Въ это время пріѣхалъ къ намъ полковникъ Черняевъ: осмотрѣвъ лично часть южной и западной городской стѣны, онъ приказалъ частямъ, находившимся на рекогносцировкѣ, возвратиться на позицію за Таласомъ.

Утромъ 4-го іюня, переправясь въ головѣ колонны чрезъ Таласъ и разсыпавъ взводъ стрѣлковъ, подъ командою прапорщика Шорохова, я двинулъ роту по указанному мнѣ направленію на юго-западную часть города.

Приближаясь къ садамъ, цѣпь встрѣчена была ружейнымъ огнемъ засѣвшихъ за стѣнками коканцевъ. Я подалъ сигналъ «стрѣлять» и усилилъ цѣпь еще полувзводомъ; пальба съ обѣихъ сторонъ становилась чаще и чаще. Въ тылу меня наступала въ ротной колоннѣ 1-я рота нашего баталіона (командиръ подпоручикъ Броневскій); по дорогѣ влѣво двигался конно-артилерійскій дивизіонъ капитана Обуха, прикрываемый 2-ю ротою 8-го же баталіона (командиръ поручикъ Конопельскій), еще лѣвѣе — казаки, позади шло еще нѣсколько ротъ съ артилеріею и казаками во второй боевой линіи и въ арьергардѣ. Цѣпь моя дошла уже до городской стѣны на разстояніи не болѣе 100 шаговъ; изъ садовъ коканскіе стрѣлки отступили; впереди насъ показалось нѣсколько непріятельскихъ колоннъ пѣшихъ и конныхъ, вышедшихъ намъ на встрѣчу изъ города. Поручикъ конно-артилерійскаго дивизіона Михайловскій вынесся со своимъ взводомъ на рысяхъ впередъ и принялся громить коканцевъ; коканцы, въ свою очередь, стали отстрѣливаться изъ своихъ орудій, вывезенныхъ за городъ; ядра ихъ тоже засвистѣли.

Въ это время я занялъ цѣпью глубокой арыкъ съ западной стороны города, шагахъ въ 50-ти отъ городской стѣны. Видя, что передъ нами стѣна не очень высокая, не болѣе полутора сажень, и что въ одномъ мѣстѣ замѣтна на ней значительная осыпь, удобная для штурма, я крикнулъ моимъ стрѣлкамъ «ура!» — и мы въ мигъ очутились за стѣной. Коканцы, оборонявшіе стѣну, опрометью бросились бѣжать: часть ихъ разсыпалась по саклямъ, а остальные направились къ другой стѣнѣ внутри города, которою обнесенъ былъ базаръ, примыкавшій къ питадели. Эта послѣдняя стѣна была гораздо выше той, чрезъ которую мы ворвались въ городъ; она была также съ зубцами и бойницами. Выйдя на дорогу, ведущую къ воротамъ въ этой стѣнѣ, мы увидѣли столпившихся предъ воротами коканцевъ, пробиравшихся по-одиночкѣ въ небольшую калитку, продѣланную въ воротахъ. Сдѣлавъ по этой толпѣ нѣсколько выстрѣловъ

мы бросились къ воротамъ: коканцы, не успѣвшіе пробраться въ калитку, убѣжали вправо, по направленію, гдѣ видѣлась башня. Съ гребня стѣны и бойницъ пронесся градъ пуль, но мы были уже такъ близко къ стѣнѣ, что пули только просвистѣли надъ нашими головами. За стѣною города слышалось неумолкаемое «ура», пальба почти прекратилась, раздавались только изрѣдка одиночные выстрѣлы. Стрѣлки мои налегли на ворота и дружнымъ напоромъ отворили ихъ. Предо мною открылась поразившая меня картина: огромная масса народа, плотно столпившаяся у воротъ, съ обнаженными бритыми головами, въ одинъ голосъ закричала «Аманъ!»; впереди стоялъ сартъ съ оторванною ядромъ нижнею челюстью и жестами, прикладывая руку къ сердцу, просилъ пощады. Въ воротахъ валялось нѣсколько труповъ, въ томъ числѣ молодая женщина съ ребенкомъ: она несла дитя на спинѣ, пробираясь въ калитку; случайная пуля положила ихъ обоихъ на мѣстѣ ⁽¹⁾. Поодаль отъ толпы сартовъ сгруппировались женщины и дѣти: женщины, едва прикрытыя лохмотьями, неистово царапали себѣ до крови щеки, выпачканныя сажею и грязью; дѣти боязливо жались къ матерямъ, но не слышно было ни крика, ни воплей, только «Аманъ! Аманъ!» громче и громче раздавалось въ толпѣ.

Занявъ ворота однимъ взводомъ, я съ остальными людьми моей роты побѣжалъ вдоль стѣны вправо, по направленію къ башнѣ, куда убѣжала толпа коканцевъ отъ воротъ и откуда раздавались еще выстрѣлы. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ своего баталіоннаго командира, полковника Богацевича, который съ однимъ только горнистомъ бѣжалъ вслѣдъ за нами. Едва мы стали приближаться, какъ коканцы, покинувъ башню, стремглавъ бросились черезъ стѣну къ сторонѣ Таласа; только нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, бросивъ оружіе, сдались намъ плѣнными. Въ башнѣ я нашелъ взмыленнаго осѣдланнаго бѣлаго аргамака и тутъ же, оконившись, отправился обратно къ взводу, оставленному въ воротахъ.

Приказавъ толпѣ, которая съ появленіемъ моимъ снова закричала «Аманъ», раздаться, я скомандовалъ ротѣ на-руку и повелъ ее впередъ.

— Поста, поста! закричали сарты, и плотнымъ шпалеромъ стали по обѣ стороны улицы, приложивъ руки къ сердцу; многіе изъ нихъ были ранены; по выпачканнымъ порохомъ ихъ лицамъ можно

(1) Что въ толпѣ бѣжавшихъ отъ насъ столпившихся у воротъ коканцевъ были и женщины, то это доказываетъ, что аудіагитцы вполне рассчитывали на свои силы и не допускали мысли о возможности штурма.

было видѣть, что въ оборонѣ города принимали участіе не одни войска, а всѣ жители.

Прямо противъ воротъ, въ которыя я вошелъ, за базаромъ высилась цитадель, въ которой мы не нашли ни души. Въ растворенныхъ настежь воротахъ, выходившихъ на базаръ, подъ чугуннымъ котелкомъ, налитымъ свинцомъ, дымился огонекъ и тутъ же валялось множество отлитыхъ пуль и мѣшечки съ порохомъ; вѣроятно ворота эти служили коканцамъ лабораторіею и пули отливались въ нихъ въ самый разгаръ обороны города.

Оставивъ въ этихъ воротахъ караулъ, а также занявъ другія ворота, выходившія на Таласъ, и приставивъ часовыхъ ко всѣмъ складамъ съ имуществомъ, оставленнымъ коканцами въ цитадели, я отправился на встрѣчу полковника Черняева, который вступалъ уже съ войсками въ городъ.

Вся наша потеря при штурмѣ ограничилась двумя стрѣлками моей роты; потеря же коканцевъ весьма значительна: отрядные врачи Маціевскій и Левицкій нѣсколько дней дѣлали перевязки раненымъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ послѣднихъ были женщины и дѣти. Раненымъ женщинамъ и дѣтямъ офицеры давали чай, сахаръ; съ плѣнными наши солдаты дѣлились послѣднимъ сухаремъ. Аулиеатинцы сразу оцѣнили гуманное съ ними обращеніе; солдатъ иначе не называли, какъ «тамырь» (пріятель). Часто можно было встрѣтить на базарѣ солдата, пьющаго со своимъ тамыромъ-сартomъ чай изъ одного кунгана; лавки на базарѣ были всѣ открыты на другой день послѣ взятія Аулиеата, а лепешки, жаренные пирожки и вкусные, приготовленные на паряхъ, пельмени сарты продавали намъ, по неимовѣрно-дешевой цѣнѣ, вечеромъ же послѣ штурма.

Первые дни по овладѣніи Аулиеатами войскамъ данъ былъ полный отдыхъ, въ штабѣ же кипѣла работа: тамъ переписывали плѣнныхъ, приводили въ извѣстность взятое у непріятеля оружіе, имущество, и въ то же время происходила смѣна начальника отряднаго штаба: на мѣсто артилеріи штабсъ-капитана Добровольскаго поступилъ всѣми любимый Василій Васильевичъ Обухъ.

Наконецъ, прошло время отдыха: войска принялись усердно за работу, а работы было много: приспособить къ оборонѣ крѣпостные верки, устроить помѣщеніе для штаба, выстроить новый лазаретъ, исправить сарбазскія казармы для помѣщенія въ нихъ нашихъ войскъ,—все это потребовало не мало рукъ, такъ что по наряду выходили на работы ежедневно почти всѣ роты.

Недѣли чрезъ полторы получено было полковникомъ Черняе-

вымъ извѣстіе о взятіи оренбургскими войсками, подъ начальствомъ полковнита Веревкина, Азрета (нынѣшній Туркестанъ). Я былъ въ тотъ день дежурнымъ по отряду и случайно встрѣтилъ полковника Черняева въ цитадели, когда пріѣхалъ съ этимъ извѣстіемъ нарочный. Никогда—ни прежде, ни послѣ—я не видѣлъ Михаила Григорьевича въ такомъ веселомъ расположеніи духа: рассказывая о подвигахъ оренбургцевъ, онъ былъ просто въ восторгѣ.

Поспѣшивъ къ войскамъ нашимъ, стоявшимъ бивакомъ на берегу Таласа, я передалъ имъ это радостное извѣстіе и громкое «ура!» далеко разнеслось по аулиеатинскимъ окрестностямъ.

16-го іюня я получилъ приказаніе быть готовымъ къ выступленію съ ротою въ походъ. Подъ десяти-дневный провіантъ дали въ роту нѣсколько верблюдовъ; ротную кухню, запасные патроны велѣно также везти на верблюдахъ. Ясно было, что экспедиція предпринимается въ горы. На другой день утромъ двѣ стрѣлковыя роты (моя и 5-го баталіона), взводъ конныхъ стрѣлковъ ⁽¹⁾, взводъ горной батареи (командиръ поручикъ Абрамовъ) и сотня казаковъ съ ракетными станками, послѣ молебна, выступили изъ Аулиеата.

Начальникомъ этого отряда назначенъ былъ полковникъ Лерхе; при отрядѣ находились: зоологъ Сѣверцевъ, горный инженеръ Фрезе и инженеръ-поручикъ Макаровъ. Къ вечеру того же дня, мы были у подошвы горы Карабуры. Послѣ двухнедѣльной стоянки на берегу Таласа, гдѣ почти постоянные вѣтры засыпали пескомъ и мелкими гальками глаза, гдѣ солдаты каждый день выходили на работу,—походъ этотъ показался намъ прогулкою. Солдаты шли весело и бодро, далеко опередивши верблюжій транспортъ. Но, войдя на другой день въ ущелье, гдѣ вился бурный потокъ Карабуры, который приходилось на одной верстѣ проходить по нѣсколько разъ подымаясь постоянно въ гору по едва замѣтнымъ тропамъ,—обаяніе перваго дня похода прошло; чтобы обойти бродъ черезъ kloчущій потокъ, солдаты взбирались на утесы, перепрыгивали съ камня на камень, ползли по крутизнамъ, дѣлаясь за кусты, катились внизъ вмѣстѣ съ задѣтыми камнями и снова лѣзли въ гору. Верблюды то и дѣло развьючивались при подъемахъ и спускахъ,—солдатамъ приходилось постоянно перевьючивать ихъ и удерживать на нихъ вьюки; пронзительный верблюжій ревъ и дикій гикъ лаучей-

(1) Послѣ взятія Аулиеата отъ каждой стрѣлковой роты по нѣсколько человекъ были посажены на лошадей и изъ нихъ составился конный стрѣлковый взводъ; лошади для взвода достались отъ коканцевъ; взводомъ назначенъ командовать поручикъ Мясцевъ.

киргизъ (вожаковъ), перекаtywаясь по ущелью. наводилъ уныніе; многіе верблюды на первомъ же переходѣ въ горахъ поранили острыми камнями ноги; лаучи подшили имъ искусственныя подметки изъ кожи, но это помогло мало: верблюды все-таки хромали и, съ трудомъ-таща свою ношу, болѣзненно ревѣли. Когда мы прошли весь потокъ, вившійся по Карабурунскому ущелью, какъ будто тяжелый камень свалился съ плечъ; одно утомляло насъ — неизвѣстность, далеко-ли еще до главнаго перевала.

Наконецъ мы достигли той мѣстности, гдѣ не растутъ уже деревья, а стелется мелкій кустарникъ; далѣе и эта растительность исчезла, только тощая травка кое-гдѣ едва покрывала покатоcть горы, на которую приходилось взбираться. Дыханіе становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ, воздухъ какъ будто останавливался въ горлѣ, голова кружилась; даже сидя на лошади, сильно сопѣвшей, казалось, что тащишь на себѣ огромную ношу. Но вотъ и главный перевалъ; оглянувшись назадъ, мы увидѣли покрытую туманомъ долину Таласа, а впереди мрачно глядѣли дикіе утесы Четкала. По барометрическому вычисленію мы были на высотѣ около 11,000 футовъ.

Солнце уже садилось къ сумеркамъ, отрядъ нашъ спустился съ перевала и остановился на ночлегъ на сазѣ (тундра). За топливомъ послали лаучей, зажгли костры, приготовили солдатамъ ужинъ, выдали по чаркѣ водки и, не смотря на чувствительный холодъ, такъ что къ утру вода въ ключахъ замерзла, солдаты въ однихъ плащахъ повалились вокругъ костровъ и заснули сномъ богатырей. Впрочемъ нѣкоторые солдаты ухитрились приспособить себѣ болѣе удобное помѣщеніе для ночлега: для этого на пригоркѣ вырывали неглубокую канавку и ложились въ нее плотно по два-по три, накрываясь сверху въ два-три ряда плащами, а снизу подставляя подъ себя башлыки. Съ разсвѣтомъ запылали опять костры и солдаты приготовляли свой чай.

Дальнѣйшій спускъ отъ перевала по южному Карабурунскому ущелью не представлялъ особыхъ затрудненій; но если бы на этомъ пути не было трехъ ледяныхъ арокъ, замѣняющихъ мосты надъ kloкочущимъ потокомъ, черезъ который въ вершинѣ его нѣтъ никакой возможности перейти или переѣхать въ бродъ, то ущелье это было бы совершенно непроходимо. Судя по тому, что мы переходили черезъ эти ледяныя арки въ самое жаркое время года, во второй половинѣ іюня, и что въ ту пору толщина свода арокъ была болѣе сажени, можно заключить, что эти ледяныя мосты никогда не таютъ,

поэтому и долговѣчнѣ всѣхъ мостовъ, какое создавало искусство человѣка.

Къ одному изъ этихъ мостовъ идетъ дорога черезъ небольшой логъ; по бокамъ этого лога мохъ и травка, а въ серединѣ толстый слой снѣга, покрытый словно розовымъ наметомъ. Меня заинтересовало это явленіе. Красная гора изъ превосходной охры осталась далеко позади у самаго перевала; вблизи не было подобной горы, изъ которой могло нанести вѣтромъ розовую пыль и окрасить ею снѣгъ; но, присмотрѣвшись ближе, стало ясно, даже для невооруженнаго глаза, что снѣгъ въ логу покрытъ тончайшими розовыми волокнами, просто плѣсенью.

Выйдя изъ области вѣчнаго льда, намъ пришлось еще разъ переправиться чрезъ Карабуринскій потокъ. Переправа эта была въ самый полдень, когда вода достигла наибольшей глубины. Страшно было смотрѣть на эту пѣнящуюся рѣчку; ширина ея всего-то какихъ нибудь сажени двѣ-три, но когда въ нее спустили горное орудіе, то его понесло какъ щепку, — солдаты съ трудомъ удерживали его канатами.

Изъ ущелья мы вышли въ долину р. Четкала. Влѣво отъ насъ синѣли голыя скалы Урчакъ-тау; впереди, вдоль рѣки, тянулся хребетъ горы, называемый, какъ и рѣка, Четкаломъ, а въ тылу — пройденный нами хребетъ Карабура, упиравшійся своими отрогами въ Четкаль. Такимъ образомъ небольшой нашъ отрядъ очутился въ глубокой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами, въ центрѣ лѣтнихъ кочевокъ дикокаменныхъ киргизъ, зависѣвшихъ отъ Кокана (1). За рѣкою Четкаломъ виднѣлось ничтожное коканское укрѣпленіе Чаназъ, около котораго, подстрекаемые коканцами, собирались шайки враждебныхъ намъ киргизъ съ цѣлью нападенія на поступившихъ въ наше подданство киргизъ, чтобы тѣмъ принудить ихъ дѣйствовать за одно съ коканцами противъ насъ.

Для разогнанія этихъ шаякъ и была предпринята настоящая экспедиція, но съ приближеніемъ нашимъ къ Чаназу, гарнизонъ котораго, послѣ незначительной схватки съ нашими конными стрѣлками и казаками, разбѣжался, шайки, собранныя коканцами, разсыпались по своимъ ауламъ.

Отъ Чаназы мы двинулись еще на два перехода внизъ по Четкалу, по отличной дорогѣ, по которой могъ бы идти какой угодно телѣжный обозъ. Оба берега Четкала поросли густымъ листовнымъ

(1) Будь коканцы предприимчивѣе, они могли бы заморить насъ голодомъ въ этой котловинѣ.

лѣсомъ. Если-бы такая дорога была и дальше по Четкалу, то Ташкентъ—орошаемый посредствомъ канала, проведеннаго изъ Четкала—не нуждался бы, какъ теперь, въ топливѣ. Я пробовалъ спустить въ Четкалъ валявшееся на берегу сухое бревно, но его разбило на мелкія щепы,—до того быстро теченіе этой рѣки, катящейся по огромнымъ камнямъ; шумъ пѣнящихся волнъ Четкала слышенъ почти за версту. Въ вершинахъ этой рѣки, гдѣ мы проходили, лѣтомъ бродовъ вовсе нѣтъ, но для сообщенія съ лѣвымъ берегомъ противу Чаназы на два утеса, упершихся въ оба берега рѣки, накинута нѣсколько лѣсинъ, устланныхъ хворостомъ. Этотъ первобытный мостъ, длиною до пяти саж., качается какъ зыбка; перилъ на немъ нѣтъ и человѣку съ слабыми нервами не пройти по немъ.

Мы были уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ коканскаго укрѣпленія Нязбека, отъ котораго только одинъ переходъ до Ташкента. Говорили, что мы вернемся въ Аулиеата другою горною дорогою около Нязбека; ждали еще подкрѣпленія и транспорта съ провіантомъ, такъ какъ изъ Аулиеата мы взяли съ собою продовольствія только на 10 дней и оставалось его уже немного. Транспортъ не приходилъ; пришлось уменьшить сухарную дачу на половину; на мясную же порцію отрядъ бралъ изъ реквизиціоннаго скота сколько хотѣлъ. Оказался недостатокъ въ соли, которой не могли найти ни въ одномъ изъ ауловъ. Баранина безъ соли опротивѣла солдатамъ: они бросали ее цѣлыми тушами; только печенка, сердце и почки считались лакомымъ кускомъ, которые можно было ѣсть безъ соли и хлѣба.

Наконецъ получено было приказаніе нашему отряду немедленно вернуться въ Аулиеата по той же дорогѣ чрезъ Карабуру.

Послѣ этой экспедиціи мы полагали, что на тотъ годъ всѣ дѣла покончены, начали подумывать о приближавшейся зимѣ, какъ вдругъ былъ объявленъ новый походъ.

Ошеломленные одновременнымъ наступленіемъ нашимъ со стороны Оренбурга и Сибири, коканцы потеряли головы: они очнулись тогда уже, когда потеряли Азретъ и Аулиеата. Возбуждая фанатизмъ киргизъ, узбековъ, таджиковъ, они призывали всѣхъ, кто вѣруетъ въ Бога и его пророка Магомета, къ священной войнѣ противъ невѣрныхъ. Такимъ способомъ къ началу іюля коканцы успѣли стянуть къ Чемкенту около 20,000 человѣкъ и распустили слухъ, что идутъ для освобожденія оскверненнаго нами священнаго города Азрета.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, полковникъ Черняевъ, чтобы дѣй-

ствовать въ тылъ коканцамъ — въ случаѣ, если слухъ о движеніи ихъ на Азретъ оправдается, рѣшился выдвинуть заблаговременно особый отрядъ и, до полученія дальнѣйшихъ извѣстій, прикрывать Аулиеаты. 7-го іюля отрядъ, изъ шести ротъ, 10-ти орудій, двухъ ракетныхъ станковъ, одного взвода конныхъ стрѣлковъ и одной сотни казаковъ, выступилъ изъ Аулиеата. Зной палилъ невыносимый; растрескавшаяся глинистая желто-бурая почва, поросшая мелкою полынью, наводила уныніе. Переправясь чрезъ рѣку Осу, отрядъ сдѣлалъ привалъ у Аули-баба: это оазисъ среди неприглядной степи за Аулиеатами. Уже поздно вечеромъ мы втянулись въ ущелье Куюкъ. На другой день, чтобы подняться на довольно крутую гору, пришлось разрубать кое-гдѣ дорогу. Къ обѣду мы были на рѣкѣ Терсѣ — это послѣдняя рѣка, текущая по направленію къ озеру Балхаму. На слѣдующемъ переходѣ къ Чокмаку мы встрѣтили водораздѣлъ: тамъ начинается рѣка Арысъ, впадающая въ Сыръ-Дарью, слѣдовательно мы вступили въ область водъ Аральскаго (басейна). Отъ Чокмака стали попадаться намъ деревушки, брошенные жителями. Долинка Арыса отлично воздѣлана: въ топливъ, кормъ лошадямъ и верблюдамъ недостатка не было. Пройдя урочище Тюлкубасъ, отрядъ 10-го іюля остановился на Яски-чу; отсюда рѣка Арысъ сворачиваетъ вправо и дорога на Чемкентъ идетъ прямо черезъ гору.

13-го іюля отрядъ двинулся далѣе, переправился на лѣвый берегъ Арыса и остановился на позиціи, на Алтынъ-тюбе, откуда виднѣлись два большіе непріятельскіе лагеря: одинъ прямо на противоположной горѣ, а другой пониже, у дороги изъ Чемкента въ Азретъ. Къ лагерямъ этимъ тянулись со всѣхъ сторонъ кучки отступавшихъ предъ нами коканцевъ.

Въ этотъ день солдаты до того были утомлены, что едва двигались; притомъ, вскорѣ по приходѣ всего отряда на Алтынъ-тюбе, начало смеркаться: пришлось по необходимости оставить коканцевъ въ покоѣ до слѣдующаго дня. На слѣдующій день присоединился къ намъ оренбургскій отрядъ.

Какъ рассказывали намъ оренбургцы, они 13-го іюля перешли рѣку Арысъ и, дойдя до Акбулака, были атакованы огромными массами коканцевъ. Прикрываясь мѣшками съ провіантомъ, живыми и убитыми верблюдами, лошадьми и трупами убитыхъ товарищей, они рыли штыками траншеи и горстями выбрасывали изъ нихъ землю. Въ отрядѣ капитана Мейера было двѣ роты пѣхоты, одна сотня казаковъ, два орудія и ракетный станокъ. По словамъ участниковъ этого отряда, силъ у нихъ было за глаза, чтобы оборониться

отъ коканцевъ, если-бы для этого избрана была удобная позиція, но, къ несчастью, этимъ было пренебрежено, и они попались какъ въ ловушку. Продержавшись на застигнутой неудобной для обороны мѣстности болѣе сутокъ, они въ тотъ вечеръ, какъ мы заняли Алтынъ-тубе, отступили нѣсколько верстъ назадъ, на лучшую позицію, гдѣ ихъ застала высланная полковникомъ Черняевымъ колонна полковника Лерхе.

Первые два дня по соединеніи обоихъ отрядовъ мы ничего не предпринимали, коканцы также стояли спокойно лагеремъ противъ насъ на горѣ. Наши казаки и непріятельскіе наѣздки косили на одномъ полѣ клеверъ для своихъ лошадей; солдаты ходили въ бахчи, гдѣ были превкусныя дыни; туда же за дынями прокрадывались и коканцы, но никто не трогалъ другъ-друга.

Утромъ 21-го числа, къ нашей цѣпи подъѣхали коканцы, присланные съ письмомъ къ начальнику отряда. Получивъ приказаніе привести ихъ къ нему, я нарочно провелъ этихъ посланцевъ мимо нашихъ орудій и ружей, составленныхъ въ козлахъ; коканцы съиско-са посмотрѣли на нихъ и, потупя глаза, шли молча къ ставкѣ полковника Черняева, — ихъ лошади оставлены были мною въ нашей цѣпи.

Переговоры эти ничѣмъ не кончились, и утромъ 22-го іюля предпринята была усиленная рекогносцировка Чэмкента подъ личнымъ начальствомъ полковника Черняева; на Алтынъ-тубе оставленъ только отрядъ капитана Мейера и наши горныя орудія, — остальные шесть слабыхъ ротъ, четыре батарейныхъ и четыре легкихъ орудій и сотня сибирскихъ казаковъ пошли къ Чэмкенту. Одновременно съ нашимъ движеніемъ снялся и коканскій лагерь и потянулся горою тоже по направленію къ Чэмкенту.

Отъ Алтынъ-тубе до Чэмкента, какъ упомянулъ я выше, не болѣе восьми верстъ. Съ приближеніемъ нашимъ къ Чэмкенту, бывшіе впереди города сильныя коканскіе пикеты, сдѣлавъ нѣсколько натисковъ на нашу колонну, отступили. Мы остановились на холмѣ съ западной стороны Чэмкента, въ разстояніи не болѣе какъ полторы версты; оттуда шла ровная покатость къ городу, пересѣкаемая передъ самою городскою стѣною глубокимъ оврагомъ; весь городъ, утопающій въ садахъ, съ высившеюся надъ нимъ цитаделью, словно сорочьимъ гнѣздомъ на вершинѣ обрыва, видѣлся намъ какъ на тарелкѣ. Стѣна, опоясывавшая весь городъ, казалась не очень высокою и мѣстами обвалившеюся.

Полковникъ Черняевъ приказалъ обстрѣлывать городъ. Для этого

отъ колонны отдѣлились четыре батарейныхъ и два легкихъ орудія подѣ общимъ начальствомъ полковника Лерхе и капитана Обуха. Въ прикрытіе орудій пошло двѣ роты (моя и стрѣлковая же 3-го баталіона). Спустившись съ холма въ долину, орудія наши снялись съ передковъ и открыли частую пальбу. Коканцы тотчасъ отвѣтили изъ нѣсколькихъ орудій, поставленныхъ на батареѣ за городскою стѣною. Въ первый разъ мнѣ привелось тогда быть въ дѣлѣ, въ которомъ коканцы стрѣляли исключительно гранатами; мѣстность, занятая нами, какъ видно, была пристрѣляна раньше, всѣ гранаты падали и рвались у нашихъ орудій; но, не смотря на то, что было выпущено ими болѣе 50-ти гранатъ, вся потеря наша ограничилась однимъ контуженнымъ ѣздовымъ и артилерійскою лошадыю.

Послѣ непродолжительной перестрѣлки, намъ приказано было сняться съ позиціи и отступать. Едва мы повернули назадъ, въ городѣ послышался страшный шумъ, крикъ и гамъ; застучало множество барабановъ, зазвучали трубы и зурны. Этому концерту вторила учащенная по насъ пальба съ коканской батареи. Вскорѣ отрядъ нашъ былъ буквально со всѣхъ сторонъ окруженъ коканцами: я насчиталъ 22 конныхъ колонны, каждая не менѣе 300 человекъ, которые шли впереди, по сторонамъ и въ тылу. Колонны эти не приближались на ружейный выстрѣлъ, но выѣзжавшіе изъ нихъ наѣзтники кружились около насъ очень близко. Когда мы были уже въ виду Алтынъ-тюбе, коканцы одновременно со всѣхъ сторонъ съ гикомъ бросились на насъ, но картечь заставила ихъ очистить дорогу къ нашей позиціи.

На слѣдующій день мы снялись съ Алтынъ-тюбе и направились по Азретской дорогѣ.

За Акбулакомъ встрѣтилась мѣстность, сплошь пересѣченная холмами, оврагами, арыками. Въ одномъ изъ овраговъ, чрезъ который предстояло проходить отряду, коканцы сдѣлали засаду и, подпустивъ насъ на близкое разстояніе, встрѣтили залпами, бросились въ атаку; орудія открыли огонь картечью, роты залпомъ, но это продолжалось одно мгновеніе. Встрѣтивъ сильный отпоръ, коканцы бросились на утекъ.

Переправясь чрезъ р. Арысь, отрядъ капитана Мейера направился по дорогѣ въ Азретъ, а мы передневали на Арысь собственно за тѣмъ, чтобы прикрыть слабѣе насъ численностью оренбургскій отрядъ, въ которомъ было много раненыхъ. Мы вернулись въ Ауліеату; это было почти на разсвѣтѣ. Въ отрядѣ засуетились: предполагали, что коканцы, провѣдавъ о нашемъ движеніи, вышли намъ

на встрѣчу изъ Чемкента. Поручикъ Макаровъ послалъ во всѣ стороны разъѣзды изъ казаковъ и джигитовъ; мы ждали извѣстій отъ нихъ о непріятелѣ, какъ вдругъ какой-то лауча, аулиеатинскій сартъ, только-что проспавшійся, разсмѣялся во весь ротъ; туземецъ этотъ объяснилъ намъ, что подобный гулъ часто слышится въ Борондаѣ и что онъ происходитъ, по его понятію, отъ трескающихся лѣтомъ отъ жара скаль, обваливающихся въ пропасти.

Кажется, на девятый или десятый день по выступленіи изъ Аулиеата мы дошли до Чулака. Это послѣдній пунктъ бывшихъ коканскихъ владѣній, выдавшійся въ степь по направленію къ Балхану. Насъ встрѣтилъ мѣстный аксакаль, удивившійся нашему приходу.

Въ концѣ августа двумъ ротамъ нашего баталіона приказано было выступить въ Туркестанъ (бывшій Азретъ), куда мы и прибыли въ половинѣ сентября. Отсюда мы двинулись къ Чемкенту.

Въ составъ колонны, подъ начальствомъ генерала Черняева, вошли 6¹/₂ ротъ пѣхоты, оренбургская батарейная батарея и около двухъ сотенъ оренбургскихъ казаковъ. Переправившись черезъ рѣку Арысь, мы направились къ Чемкенту. Версты за три мы увидѣли городъ какъ на ладони: его опоясывала совершенно новая, бѣлая, чистенькая, высокая, зубчатая стѣна; въ исходящихъ углахъ для фланговой обороны приспособлены были довольно правильные бастіоны, изъ которыхъ чрезъ амбразуры торчали пушки, передъ стѣною чернѣлся ровъ, а надъ воротами была башня съ амбразурами, изъ которыхъ выглядывало шесть орудій; высившаяся надъ городомъ цитадель была въ томъ же видѣ, какъ мы ее видѣли при рекогносцировкѣ; вѣроятно коканцы не успѣли реставрировать ее подобно городской стѣнѣ.

Едва мы подошли къ спуску съ горы, коканцы, одѣтые въ красныхъ мундирахъ, парами стали выходить изъ воротъ и заняли стѣнку на берегу р. Бадаша, около мельницы, находившейся противъ городскихъ воротъ.

Перейдя рѣку, мы повернули вправо и должны были идти подъ орудійными выстрѣлами съ бастіона. Завернувъ за этотъ бастіонъ, мы увидѣли, что передъ стѣною съ восточной стороны города кипитъ работа: тамъ коканцы въ виду нашемъ углубляли ровъ; лопаты съ землею такъ и сверкали передъ нашими глазами.

Генераль Черняевъ, чтобы прикрыть движеніе отряда предъ бастіономъ, поставилъ противъ него батарею. Орудія наши загремѣли, но и коканцы не ослабляли огня. Я выдвинулъ было роту,

чтобы по возможности обстрѣливать ровъ, въ которомъ работали коканцы, но это оказалось невозможнымъ. Части отряда и обозъ спускались съ горы очень долго: хвостъ колонны пришелъ около четырехъ часовъ пополудни, тогда какъ батарея подполковника Качалова открыла огонь ранѣе 12-ти часовъ. Минуя бастионъ, части находились уже внѣ сферы непріятельскаго огня; только батарея и назначенное ей прикрытіе находились подъ огнемъ, пока не прошелъ весь отрядъ.

Къ вечеру весь отрядъ стянулся и сталъ на позицію между Чемкентомъ и Сайрамомъ—въ разстояніи какъ отъ того, такъ и отъ другаго не болѣе трехъ верстъ.

На другой день прибылъ отрядъ, подъ начальствомъ полковника Лерхе, изъ Аулиеата. Съ полковникомъ Лерхе пришло четыре роты, шесть орудій, нѣсколько мортиръ, ракетныхъ станковъ и одна сотня казаковъ. За отрядомъ этимъ тянуло до 1,000 человѣкъ киргизской милиціи.

Вечеромъ я получилъ приказаніе съ ротою и двумя орудіями Оренбургской казачьей батареи демонстрировать сѣверную часть Чемкента для отвлеченія вниманія коканцевъ отъ восточной части города, гдѣ въ ту ночь должна была быть заложена батарея на четыре орудія. Подойдя къ городу на разстояніе половины пушечнаго выстрѣла, я выбралъ позицію у оконечности выдающагося увала, отъ котораго начиналась уже открытая мѣстность до самой городской стѣны.

Передо мною и нѣсколько лѣвѣе виднѣлись стѣны цитадели; отъ нея, по отлогости крутой горы, тянулась лентою зубчатая стѣна, упиравшая въ сѣверныя городскія ворота; надъ воротами торчала башня съ чернѣющими въ ней амбразурами; далѣе—опять стѣна съ выдающимся въ исходящемъ углѣ бастиономъ, прорѣзанымъ также амбразурами; за стѣною сплошнымъ куполомъ чернѣлись сады Чемкента. Изъ города слышался только собачій лай и по временамъ стукъ турецкаго барабана. Первая наша граната разорвалась далеко за стѣною, вѣроятно за центромъ города; слѣдующія рвались надъ самыми воротами. Коканцы засуетились: по стѣнамъ замелькали огоньки фитильныхъ ружей, раздался гулъ—и ядро просвистѣло и шлепнулось въ землю за нашими орудіями. Пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась всю ночь: мы стрѣляли все рѣже и рѣже, коканцы отвѣчали только на нашъ огонь, слѣдовательно стрѣляли по возможности въ цѣль; но рота моя была совершенно закрыта выдающимся уваломъ, туда же отведены были орудійные пе-

редки и ящики, такъ что цѣлью для непріятеля оставались одни орудія, которыя находились также въ небольшой ложбинѣ и стрѣляли какъ будто чрезъ банкъ.

Безъ малѣйшей потери мы снялись на разсвѣтъ съ этой позиціи; пройдя около версты, поднявшись на уваль, мы дошли до вновь заложеной батареи. Разсвѣтало. Батарея была окончательно вооружена; раздался первый выстрѣлъ изъ батарейнаго орудія: граната взвилась высоко, лопнула, но далеко не долетѣла до цѣли. Оказалось, что инженеры ошиблись въ выборѣ мѣстности подъ батарею и заложили ее болѣе чѣмъ на полверсты дальше отъ крѣпости, чѣмъ предполагалось, хотя на томъ мѣстѣ, гдѣ должно было быть батареѣ, днемъ, при рекогносцировкѣ, воткнуты были колышки.

По наряду на 22-е октября моей ротѣ не досталось никуда. Мы рассчитывали на полный отдыхъ, но вдругъ, около полуночи, по всему лагерю забили тревогу; казачьи разъѣзды дали знать, что кокандевъ «видимо-невидимо» подступаютъ къ намъ. Ночь темная: ни зги не видать, хоть глазъ выткни. Идешь, спотыкаешься,—того и гляди, что наткнешься на штыкъ своего же солдата. А въ лагерѣ страшная суматоха: милиціонеры, киргизы, арбакчи, лаучи перекликаются, отыскивая другъ друга, на разные мотивы; верблюды отвратительно ревуть, лошади ржутъ, собаки лаютъ и завываютъ на всѣ голоса. Но мало по малу все успокоилось и пришло въ прежній видъ.

Около полудня 22-го сентября послышалась на нашей батарее ружейная перестрѣлка. Коканцы до того уже сдѣлались дерзки, что впереди своихъ батарей устроили ложементы съ валиками и стали изъ-за нихъ стрѣлять по намъ изъ турокъ и дальнобойныхъ винтовокъ. Впереди нашихъ батарей вырыты были также ложементы; солдаты не утерпѣли, подползли изъ ложементовъ къ коканскимъ валикамъ поближе и завязали перестрѣлку; огонь съ обѣихъ сторонъ учащался; съ батареи прислали за подкрѣпленіемъ: побѣжала моя и оренбургская рота капитана Мрочекъ. Съ коканской батареей черезъ наши головы понеслись ядра. Общее «ура!» раздалось по всей нашей линіи; солдаты бѣгутъ къ коканской батарее. Вотъ раздался послѣдній выстрѣлъ въ упоръ намъ,—и батарея смолкла. Ошеломленные неожиданнымъ натискомъ, коканцы не рѣшились защищаться: бросивъ батарею и траншеи, они какъ испуганное стадо побѣжали въ распынную. Большая часть конныхъ и пѣшихъ направилась по кособору къ чемкентскимъ воротамъ (сѣвернымъ). Столпившись массою у воротъ, они не могли въ нихъ пройти заразъ:

конные давили пѣшихъ, произошла общая свалка, а по пятамъ бѣжали наши храбрецы-солдаты. Взводъ штабсъ-капитана Михайловскаго, въ свою очередь, такъ и сыплеть картечью. Коканцамъ нѣтъ спасенья: предъ воротами изъ труповъ ихъ образовалась порядочная горка.

Войдя по трупамъ коканцевъ въ ворота, мы увидѣли передъ собою совершенно пустую площадь; вправо по стѣнѣ виднѣлся пустой бастионъ съ брошенными коканцами нѣсколькими орудіями. Мы повернули отъ воротъ налѣво и, взобравшись по тропинкамъ на крутой холмъ, были у стѣны цитадели. Стѣны были отвѣсныя и очень высокія, такъ что взобраться на нихъ безъ лѣстницъ нельзя было и подумать. Мы побѣжали вокругъ стѣны и на восточной ея сторонѣ замѣтили дыру, въ которую можно провести и лошадь ⁽¹⁾; нѣсколько солдатъ бросилось тотчасъ въ этотъ проломъ; я кинулся за ними. Кучка коканцевъ, намѣревавшаяся защищать проходъ, разбѣжалась, какъ только изъ дыры стали выбѣгать одинъ за другимъ наши солдаты. Съ появленіемъ нашимъ въ цитадели, всѣ коканцы, бывшіе въ ней (не болѣе 100 челов.), побѣжали къ воротамъ (выходившимъ изъ цитадели въ городъ) и, засѣвъ въ башнѣ надъ воротами, открыли пальбу. Башня взята тотчасъ приступомъ, часть коканцевъ выпрыгнула изъ нея и бросилась стремглавъ чрезъ стѣну; остальные убиты на мѣстѣ.

Поднявшись по крутой лѣстницѣ мы вошли чрезъ большія ворота въ редутъ цитадели, высившейся на самой вершинѣ холма.

Отсюда какъ на ладони видно было не только что дѣлается въ городѣ, скученномъ у самой подошвы цитадели, но и далеко за городомъ, въ нашемъ лагерѣ.

Занятіе нами цитадели было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ; когда мы были уже наверху, въ ворота втягивался взводъ штабсъ-капитана Михайловскаго. Его обскакала оренбургская сотня и впереди ея, съ шашкою на-голо, неся во весь карьеръ полковникъ Лерхе; за сотнею понеслись на рысяхъ и орудія изъ лагеря, растягиваясь большимъ клиномъ, бѣжали въ разныхъ направленіяхъ роты, скакали въ перегонку милиціонеры-киргизы, казаки и джигиты.

— «Ваше благородіе! Генераль послали узнать, кѣмъ занята цитадель?» — запыхиваясь спросилъ меня оренбургскій урядникъ, ординарецъ начальника отряда.

— Гдѣ генераль? спросилъ я.

⁽¹⁾ Чрезъ эту дыру проведенъ былъ когда то въ цитадель арыкъ.

— «Здѣсь, у пролома» отвѣчалъ ординарецъ.

Я побѣжалъ на встрѣчу генерала Черняева. Поднявшись на вершину цитадели, онъ перецѣловалъ всѣхъ бывшихъ тутъ офицеровъ, а солдатамъ сказалъ задумчивое спасибо.

Въ это время удѣлѣвшія толпы коканцевъ скучились на горѣ по ташкентской дорогѣ и долго смотрѣли на оставленный въ нашихъ рукахъ городъ, но взводъ штабсъ-капитана Михайловскаго, вышедшій ужъ за городъ чрезъ южныя ворота, и взводъ оренбургской казачьей батареи съ молодцомъ командиромъ хорунжимъ Ивановымъ, поскакавшій прямо съ позиціи на перерѣзъ отступавшимъ массамъ, — заставили ихъ скоро удалиться.

Генераль Черняевъ давно отдалъ приказаніе трубачу играть «сборъ». Сигналъ этотъ подхватили горнисты и барабанщики всѣхъ ротъ и части стали стягиваться къ цитадели. Здѣсь расположился штабъ: одна оренбургская рота и два орудія; остальные войска расположились бивакомъ у цитадели (сибирскія роты) и за южными чемкентскими воротами; одна или двѣ роты отправлены обратно на позицію для охраненія оставшихся тамъ тяжестей.

Не долго мы отдыхали послѣ неожиданнаго взятія Чемкента: передъ вечеромъ 27-го сентября, три сибирскія роты, 2¹/₂ роты оренбургскихъ, 10 орудій и двѣ сотни казаковъ выступили по дорогѣ къ Ташкенту. Наши сибирскія роты, послѣ трехъ-мѣсячнаго почти безпрестаннаго похода, сильно ослабѣли: въ моей ротѣ при выступленіи изъ Чемкента не насчитывалось и 100 штыковъ. Первый ночлегъ былъ у насъ на Акташѣ — деревушкѣ, брошенной жителями. Чрезъ три дня мы были въ виду Ташкента. О громадности этого города мы въ то время имѣли преувеличенныя свѣдѣнія: намъ говорили, что въ Ташкентѣ не менѣе 250,000 жителей, что городская стѣна вокругъ города тянется на 40 верстъ. Издали Ташкентъ намъ показался большимъ лѣсомъ. Подойдя къ нему поближе, намъ стали попадаться хутора, сады, виноградники, клеверные участки, пашни, огороды, — все это ютилось и жалось другъ къ другу, обнесенное отдѣльно каждое глинобитными стѣнами, но все это было пусто, брошенное жителями, и отъ Чемкента до стѣны Ташкента намъ не встрѣтилось ни одной живой души.

Стало очевидно, что ташкентцы встрѣтятъ насъ недружелюбно, а между тѣмъ, когда мы заняли Чемкентъ, носились слухи, что ташкентцы ждутъ-не дождутся нашего прихода; говорили, что партія, приверженная къ правителю кокана Алимукула, въ Ташкентѣ самая ничтожная, что съ приближеніемъ нашимъ къ Ташкенту преобла-

дающая приверженная намъ партія торговцевъ, ведущая торговлю въ Оренбургскомъ, Троицкомъ, Петропавловскомъ и Семипалатинскомъ, сама отворить намъ ворота и встрѣтитъ насъ какъ друзей; носился даже слухъ, что ташкентцы не впустили къ себѣ остатковъ разбитыхъ подъ Чемкентомъ коканскихъ войскъ. Выступая изъ Чемкента, мы думали, что, не занимая Ташкентъ войсками, мы войдемъ только съ нимъ въ сношеніе и, подчинивъ его своему вліянію, со славою закончимъ тѣмъ миссію, возложенную на оренбургскій и сибирскіе отряды по проведенію новой линіи по окраинамъ кочиковъ подвѣдомственныхъ намъ киргизовъ.

30-го сентября, послѣ небольшого перехода, мы остановились въ садахъ, верстахъ въ двухъ отъ Ташкента, откуда посланъ былъ съ письмомъ къ управляющему городомъ беку татаринъ Муфтій. Муфтій жилъ долго въ Ташкентѣ, торговалъ тамъ, имѣлъ въ немъ пріятелей, знакомыхъ и родственниковъ, поэтому и рассчитывали, что Муфтій встрѣтитъ кого-либо изъ нихъ и успѣетъ исполнить и другое секретное порученіе: передать о цѣли нашего прихода благопріятствовавшей намъ партіи ташкентцевъ. Но Муфтія въ Ташкентъ не пропустили: взявъ отъ него письмо, продержали его въ воротахъ нѣсколько часовъ подъ арестомъ, послѣ чего отпустили съ тѣмъ, что если онъ еще явится съ подобнымъ письмомъ, то ему снесутъ голову.

1-го октября съ разсвѣтомъ мы повернули назадъ и, сдѣлавъ большой кругъ, вышли на нѣзбекскую дорогу, по которой направились садами прямо на ташкентскую крѣпость.

Когда голова нашей колонны была въ виду города, показались конные сарты, которые тотчасъ усккали. Вздвѣ орудіи штабсъ-капитана Михайловскаго вынесся на рысяхъ впередъ и открылъ пальбу по бастіону, выдававшемуся противъ занятой нами позиціи. На этомъ бастіонѣ была также какая то малокалиберная пушка, начавшая тоже отстрѣливаться. Моя рота тотчасъ потребована впередъ: мнѣ было приказано занять находившійся внизу позиціи, шаговъ на 200 вправо, садъ, обнесенный невысокою глиняною стѣною; отъ этого сада до крѣпостной стѣны было не болѣе 300 шаговъ; до бастіона же, по которому стрѣляла артилерія по діагонали, — шаговъ около 600. Укрывъ стрѣлковъ за стѣнкой, я приказалъ стрѣлять на дымокъ въ бойницы крѣпостной стѣны. Такъ прошло часа два, — артилерія все это время стрѣляла изъ батарейныхъ и легкихъ орудіи очень часто.

Съ батареи раздался послѣдній залпъ, послышался бой бараба-

новъ «къ атакѣ», вторимый горнистами и громкимъ «ура!» Со стѣнъ какъ трещетка зачастили непріятельскіе выстрѣлы.

«Ура» подхватила горсть моихъ стрѣлковъ и побѣжала къ бастиону ⁽¹⁾.

Вотъ добѣгаемъ мы до рва у самаго бастиона; ровъ глубокій, крутой, на днѣ виднѣется напущенная изъ арыковъ вода. Зубцы бастиона немного сбиты; въ отвѣсной почти его стѣнѣ виднѣются ямки отъ нашихъ ядеръ. Но влѣзть по этой стѣнѣ безъ лѣстницъ нельзя и подумать. За каждымъ зубцомъ бастиона торчатъ пики, дротики или увѣсистыя дубины; за стѣною слышенъ крикъ тысячной толпы: Аллахъ! Аллахъ! изъ бойницъ и изъ-за зубцовъ стѣны жужжать какъ шмели пули. Мои стрѣлки инстинктивно прилегли на самомъ краю рва. Я оглянулся назадъ: шагахъ въ 10-ти предъ бастиономъ стоитъ конно-артилерійскій взводъ, намѣреваясь снять орудія съ передковъ; у уносныхъ лошадей правофланговаго орудія стоитъ, повернувшись ко мнѣ полуоборотомъ, подполковникъ Обухъ. Онъ видимо хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но въ это самое мгновеніе пошатнулся и упалъ на правый бокъ, ухватившись рукою за голову.

«Ура», ребята! закричалъ я. «Ура»! повторили солдаты. но въ этомъ ура не слышалось знакомаго мнѣ мотива, какой звучалъ подъ Аулиеатомъ и Чемкентомъ. Солдаты встали, но не двигались съ мѣста.

Ряды нашей горсточки замѣтно порѣдѣли: повалился одинъ, другой и третій. Къ кучкѣ моихъ стрѣлковъ присоединилось десятка полтора солдатъ 2-й роты съ своимъ барабанщикомъ изъ евреевъ, который не переставалъ барабанить стоя на самомъ краю рва; пуля подкосила его, и онъ съ барабаномъ покатился въ ровъ.

Я все ждалъ, не двинутъ-ли къ намъ на подкрѣпленіе оставшіяся на позиціи роты, но на помощь намъ никто не шель.

Разсыпавшись рѣдкою цѣпью, отстрѣливаясь, мы стали отступать. Ташкентцы до того обрадовались, что многіе сѣли верхомъ между зубцами и, страшно ругаясь, посылали въ догонку намъ пули.

Мы не вышли еще изъ подъ выстрѣловъ, какъ встрѣтили генерала Черняева.

— Штурмъ невозможенъ безъ лѣстницъ, доложилъ ему я.

— Я предвидѣлъ, чѣмъ окончится это увлеченіе! мнѣ сказалъ генералъ Черняевъ.

Словъ этихъ я никогда не забуду.

Мы своротили за небольшой буторокъ, укрывавшій насъ отъ

(1) Въ моей ротѣ было въ строю не болѣе 75-ти человекъ.

выстрѣловъ; за этотъ бугорокъ были снесены убитые и раненые; тутъ же лежалъ на разостланномъ солдатскомъ плащѣ подполковникъ Обухъ. Солдаты принесли носилки, уложили бережно на нихъ героя и понесли на перевязочный пунктъ, но онъ вскорѣ смежилъ глаза на вѣки. Такъ безвременно погибъ одинъ изъ лучшихъ людей. У него не было и не могло быть ни враговъ, ни завистниковъ: беззавѣтно храбрый, прекрасно образованный, обладавшій симпатичною наружностью и счастливымъ характеромъ, онъ былъ душою всего общества.

- Мы простояли подъ Ташкентомъ два дня. Ташкентцы больше насъ не тревожили и безъ всякихъ приключеній 7-го октября мы возвратились въ Чемкентъ, гдѣ отрядъ размѣстился въ наскоро приспособленныхъ сарбазскихъ казармахъ, частью въ цитадели и частью въ городѣ.

Въ ноябрѣ разнесся слухъ, что въ Ташкентъ стягиваются значительныя полчища кокандцевъ и въ началѣ декабря выдвинута была колонна на Акъ-ташъ для встрѣчи кокандцевъ, въ случаѣ движенія ихъ на Чемкентъ. Колонна эта, по случаю наступившихъ сильныхъ холодовъ, которые въ горахъ за Чемкентомъ не уступали нашимъ русскимъ морозамъ, смѣнялась нѣсколько разъ чрезъ день. Генераль Черняевъ далъ для офицеровъ свою юламейку, въ которой хоть не продувало вѣтромъ, но солдаты буквально цѣлыя сутки не отходили отъ костровъ, согрѣвая оковенѣвшіе члены. Наконецъ слухи о движеніи на Чемкентъ смолкли: лазутчики наши провѣдали, что коканцы всѣ свои силы направили къ Туркестану.

Генераль Черняевъ 4-го декабря, съ четырьмя ротами, восемью орудіями и сотнею уральцевъ, выступилъ изъ Чемкента по туркестанской дорогѣ, чтобы ударить въ тылъ коканцамъ, но, не доходя до р. Арыса, получилъ донесеніе туркестанскаго воинскаго начальника полковника Жемчужникова о дѣлѣ подъ Иканомъ уральской сотни, подъ начальствомъ есаула Сѣрова, и объ отступленіи непріятеля къ Ташкенту окольною дорогою. Послѣ этого чемкентскій отрядъ вернулся обратно.

Гиларій Сялковскій.

(Окончаніе будетъ).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

132975/

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

1891

М А Р Т Ъ

№ 3

7
X
30

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

1329/25

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ СЛХХХVІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ. Моховая, № 40.

1891

35
40

ВОСПОМИНАНІЯ ОФИЦЕРА О ТУРКЕСТАНСКИХЪ ПОХОДАХЪ 1864—1865 ГГ.

(Окончаніе) (¹).

1865 г.

Послѣ усиленныхъ трудовъ, перенесенныхъ отрядомъ генерала Черняева въ 1864 году, бездѣятельная жизнь въ сырыхъ, холодныхъ, неприглядныхъ чемкентскихъ сакляхъ стала надоѣдать. Сдѣлалъ бы ученье ротѣ — негдѣ: грязь до того, что пройти отъ сакли нѣтъ никакой возможности. Во всемъ Чемкентѣ нѣтъ ни одной площадки, гдѣ бы можно развернуть и поучить роту, развѣ только у самыхъ стѣнъ солдатскихъ помѣщеній, приспособленныхъ наскоро изъ сарбазскихъ казармъ. О прогулкѣ верхомъ тоже нельзя и подумать: на улицахъ Чемкента лошадь вязнетъ въ грязи по брюхо.

Но вотъ чуть подморозило, еще бы немного потянуло холодкомъ — и можно бы пройтись. Но, нѣтъ, — изъ ущелья по рѣкѣ Бадашу стелется сырой туманъ; съ потолка сакли падаютъ капли, вездѣ грязно и сыро. Тамъ, гдѣ просачивалась чрезъ потолокъ жидкая грязь, вбили гвоздики, привязали къ нимъ нитки, свели нитки къ одной точкѣ и грязь потекла по ниткамъ тонкими струйками. Слава Богу, хоть есть гдѣ полежать, не брызжетъ въ лицо! О чтеніи никто изъ насъ и не думалъ: если у кого и были кое-какія книги, то тѣ давнымъ-давно по нѣскольку разъ прочитаны; журналовъ и газетъ, по крайней мѣрѣ нашими, линейными, офицерами не получалось. Лежишь на своей походной кровати, глядишь на окрашенные въ шоколадный цвѣтъ палочки, которыми насланъ потолокъ, отъ бездѣлья даже примешься считать ихъ, просто одурь беретъ...

Вечеромъ побредешь къ кому-нибудь изъ товарищей, но не по

(¹) См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 2-й.

дорогѣ, а вскарабкаешься на изгородь, которою отгорожены сады, и идешь, удерживая равновѣсіе шестомъ, словно плясунъ на канатѣ.

Еще въ концѣ января у нѣкоторыхъ заболѣвающихъ стали проявляться признаки цынги. По необходимости надо было торопиться вывести людей изъ тѣсныхъ и сырыхъ саклей. Наскоро собрали кое-какихъ юртъ и въ половинѣ февраля всѣ войска выступили изъ Чемкента и расположились лагеремъ по косогору съ правой стороны притока Бадаша. На другой день, какъ на зло, выпалъ глубокій снѣгъ, но онъ продолжался не долго: дня черезъ два въ лагерь было уже сухо, можно было бы дѣлать и ученье, и прогулки, но было не до нихъ...

Готовясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Ташкента, генераль Черняевъ, тотчасъ по выводѣ отряда въ лагерь, приступилъ къ усиленію обороны Чемкента. Въ нѣсколько недѣль съ восточной стороны чемкентской цитадели возникло обширное укрѣпленіе съ верками солидныхъ размѣровъ.

Въ началѣ марта пришли къ намъ изъ укрѣпленія Вѣрнаго двѣ стрѣлковыя роты 7-го и 12-го сибирскихъ баталіоновъ, а 25-го апрѣля чемкентскій отрядъ выступилъ въ походъ и утромъ 29-го апрѣля подошелъ къ Нязбеку.

Генераль Качаловъ передъ вечеромъ объѣхалъ вокругъ крѣпости на ружейный выстрѣлъ, намѣтилъ пункты для двухъ батарей и съ наступленіемъ позднихъ сумерекъ три роты приступили къ работамъ.

Наши солдатики задолго до разсвѣта успѣли построить и батареи, и вырыть траншеи. Немного времени понадобилось для вооруженія батареи, такъ что, когда настолько разсвѣтало, что можно было различать предметы, орудійный залпъ раздался съ обѣихъ нашихъ батарей. Въ отвѣтъ на него посыпались ядра, фалконетныя и ружейныя пули защитниковъ крѣпости. Былъ уже полдень, но пальба съ обѣихъ сторонъ не умолкала.

Генераль Черняевъ, наблюдавшій все время въ бинокль надъ дѣйствіемъ нашихъ и непріятельскихъ снарядовъ, послалъ джигитовъ съ предложеніемъ сдаться и грозилъ, въ случаѣ отказа, штурмомъ, но въ отвѣтъ на наше предложеніе по парламентарамъ посыпались пули. Пальба снова съ обѣихъ сторонъ усилилась.

Къ вечеру пальба какъ съ нашей, такъ и непріятельской стороны почти совершенно замолкла. Защитники просили пощады; ихъ оказалось всего 400 человѣкъ, которые и были отпущены на всѣ четыре стороны.

Въ Ніазбекѣ мы нашли восемь чугунныхъ орудій, нѣсколько фальконетныхъ, кучу ружей и пикѣ.

3-го мая прибылъ къ намъ транспортъ съ провіантомъ, а 4-го числа остальной отрядъ двинулся по ташкентской дорогѣ и занялъ позицію, не доходя версты шести или семи до Ташкента на Сары-Тюбе.

Сара-Тюбе — это насыпной бугоръ, выдающійся на узкой, но длинной долині; отъ стороны Ніазбека съ правой стороны Сары-Тюбе идетъ глубокой арыкъ, а за нимъ рядъ холмовъ, пересѣкающихся лощинами.

Впереди на пушечный выстрѣлъ ніазбекская долина суживается, а дорога подымается въ гору, пересѣченная увалами, арыками и лощинами. Вправо и влѣво виднѣются пахотныя и клеверныя поля, среди которыхъ выдѣляются кое-гдѣ отдѣльные хутора съ садами и мельницами, построенными на обильныхъ водою арыкахъ. Противъ кургана на горѣ, съ сѣверо-восточной стороны, стояла мазарла, въ которой могло укрыться до 50-ти человѣкъ.

Наступало утро 9-го мая. Солнце еще не всходило; заря едва начинала золотить востокъ; синева неба слегка подернулась прозрачною сѣрою дымкой утренняго прохладнаго воздуха; перепела и каростели еще перекликались въ густыхъ полосахъ хлѣба и клевера. Пѣхотная сторожевая цѣпь, выставленная на ночь вокругъ лагеря, только-что снималась. Дежурный горнистъ, протрубивъ утреннюю зорю, легъ на свое мѣсто и опять уснулъ. Лагерь почивалъ. Еслибы живописцу понадобился сюжетъ для картины — «Сонъ праведника», то онъ могъ бы найти его здѣсь въ любой группѣ солдатъ, разметавшихся на голой землѣ.

Но вотъ изъ-за дальней синевы горъ однимъ краемъ показалось солнце, затѣмъ, еще нѣсколько секундъ, всплылъ золотисто-матовый дискъ его, который не разилъ пока глаза ослѣпительнымъ блескомъ.

Любуясь на эту чудную картину, я замѣтилъ, что съ противоположнаго лагерю холма скачетъ казакъ, а вслѣдъ за нимъ шархнулся и попятился къ лагерю казачій пикетъ, выставленный для наблюденія на этой горѣ.

— 8-я стрѣлковая рота въ ружье!.. И не прошло минуты, какъ мои молодцы-солдаты были готовы къ бою.

— Что такое случилось? спрашиваю я у подъѣхавшаго казака.

— Тьма-тьмущая, видимо-невидимо высыпало орды.

Мы бросились впередъ, добѣжали до мазарла и наткнулись на многочисленныхъ всадниковъ, гарцовавшихъ вокругъ нашего лагеря;

вдали виднѣлись густыя массы конныхъ ташкентцевъ, двигавшихся тихо, какъ будто въ обходъ лагеря.

Я открылъ пальбу по всадникамъ. Вслѣдъ за моею прибѣжала ко мнѣ 1-я рота нашего баталіона, подъ командой штабсъ-капитана Круликевича.

А коканцы, между тѣмъ, на горѣ, прямо противъ нашего лагеря, выдвинули до шести орудій и стали громить по лагерю и по моей позиціи. Скоро прибѣхалъ отъ начальника отряда казакъ съ приказаніемъ, чтобы 1-ю роту возвратили обратно на Сары-Тюбе, а вслѣдъ затѣмъ показалась двигающаяся оттуда ко мнѣ другая 7-я стрѣлковая рота, съ которою прибѣхалъ полковникъ Краевскій. Одобривъ занятую мною позицію, онъ, отъ имени начальника отряда, приказалъ на ней держаться до особаго распоряженія; чтобы не подвергать людей опасности, одну роту велѣлъ спустить въ логъ, гдѣ была избушка и нѣсколько тутовыхъ деревьевъ.

Спустя часъ я увидѣлъ, что съ занятого нами кургана скачутъ изъ отряда, вѣроятно съ приказаніемъ, хорунжіи артилеріи Ивановъ, но за нимъ погнались наѣзтники, такъ что онъ едва ускакалъ обратно въ лагерь, уронивъ при этомъ свою фуражку.

Давно наша артилерія выдвинула противъ коканцевъ шесть орудій; первымъ поспѣлъ со своимъ взводомъ прапорщикъ Янышевъ, который, какъ говорили, получилъ здѣсь контузію.

Часу въ 11-мъ или 12-мъ ко мнѣ подскакалъ оренбургскій урядникъ и толково передалъ на словахъ: «сейчасъ начнется наступленіе... Генералъ вамъ тоже приказалъ наступать, соображаясь съ движеніемъ атакующей колонны съ позиціи».

Наступила рѣшительная минута... Внизу на нашей позиціи, по обѣ стороны артилерійскаго дивизіона, построились двѣ роты, разсыпавъ впереди застрѣльщиковъ: справа была стрѣлковая рота 3-го сибирскаго баталіона; слѣва — 2-я оренбургская рота. Но одну линію съ этой колонной я рассыпалъ въ цѣпь по одному взводу моей и 7-й стрѣлковой роты; вторые взводы составляли резервъ. Моя рота шла справа, постепенно заходя правымъ плечомъ во флангъ непріятелю. По мѣрѣ приближенія къ горѣ, цѣпь стрѣлковъ болѣе и болѣе усиливала огонь. Въ то же время, шагахъ въ 300-хъ отъ подъема, колонна, направленная съ Сары-Тюбе, остановилась; артилерія снялась съ передковъ и обдала противниковъ картечью. Я велѣлъ играть «атаку»... Коканцы заволновались; нѣсколько орудій вдругъ исчезли съ ихъ позиціи и затерялись въ массѣ...

Раздалось наше обычное «ура!» и пачалась работа штыками...

Загнувъ еще болѣе правый флангъ, мои роты бросились бѣгомъ за убѣгавшими, преслѣдуя ихъ по возможности ружейнымъ огнемъ.

Тутъ подоспѣли и оренбургцы, но колоть штыками уже было некого: оставалось на площадкѣ одно брошенное орудіе, которое подхватили оренбургцы, подоспѣвшіе снизу. Оставивъ въ тылу оренбургцевъ съ брошеннымъ орудіемъ, я поспѣшно преслѣдовалъ непріятеля, насколько было возможно преслѣдовать пѣхотѣ кавалерію. Остановивъ наступленіе, я, чтобы накормить людей, принужденъ былъ вернуться въ лагерь.

Между тѣмъ генераль Черняевъ, дойдя до Кашгарскихъ воротъ, извѣстныхъ намъ по вчерашней бомбардировкѣ, снова открылъ орудійный огонь по Ташкенту и, спустя часа два, возвратился на Сары-Тюбе. Кажется, 14-го или 15-го числа отдано было приказаніе быть готовымъ къ выступленію къ 8-ми часамъ утра. Къ 8-ми часамъ утра мы не выступили, хотя и были готовы, а прождали на Сары-Тюбе до 4-хъ часовъ пополудни, такъ что къ вечеру могли только дойти до Чиназской дороги. На завтра мы подвинулись къ станціи старый Ташкентъ. Прошли еще день по Чиназской дорогѣ, а черезъ два дня мы опять были въ виду Ташкента, на той же Чиназской дорогѣ, гдѣ случайно попало намъ нѣсколько десятковъ реквизиціоннаго скота, который тутъ же раздѣлили поровну по числу людей въ части и, наѣвшись до сыта, къ вечеру были на занятой нами позиціи подъ Ташкентомъ. На слѣдующій день, рано утромъ, выбѣжалъ изъ Ташкента мальчишка-сартъ, съ извѣстіемъ о смерти Алимкулы, правителя ханства, раненаго въ бокъ ружейною пулею въ концѣ дѣла 9-го мая. Извѣстіе это вскорѣ было подтверждено и чрезъ лазутчиковъ. Смерть такого умнаго, предприимчиваго и энергичнаго правителя была незамѣнимой утратой для ханства.

Ставъ на позицію, въ продолженіе недѣли мы нѣсколько разъ перемѣняли ее: то двигаясь вправо или влѣво, то впередъ на небольшое разстояніе. Наконецъ мы остановились, не болѣе, какъ въ четырехъ верстахъ отъ Ташкента; здѣсь въ логу приступили къ устройству штурмовыхъ лѣстницъ, для которыхъ подъ рукою лѣсу было въ изобиліи.

Такъ прошло до 14-го іюня. Поздно вечеромъ этого дня собрали всю пѣхоту, построивъ ее въ каре, лицомъ внутрь. Пришелъ поручикъ Абрамовъ и объявилъ, что завтра утромъ назначенъ штурмъ Ташкента, и вызвалъ впередъ охотниковъ; изъ всѣхъ ротъ вышло чело-
 ловѣкъ 50. Офицеры, пожелавшіе идти охотниками, были: поручикъ Мѣсяцевъ, подпоручикъ Лапинъ и прапорщикъ Шороховъ; ротнымъ

командирамъ идти въ охотники не дозволялось. Тутъ же было отдано приказаніе, гдѣ кому слѣдовать въ штурмовой колоннѣ. Моя рота назначена была въ прикрытіе охотникамъ, несшимъ штурмовыя лѣстницы.

Предъ штурмомъ, конечно, мало кому спалось, да къ тому же и времени оставалось немного: въ два часа ночи, велѣно ротамъ строиться; разговаривать между собою и въ особенности курить было строго запрещено. Когда охотники съ штурмовыми лѣстницами были выдвинуты на дорогу, начальство надъ ними принялъ поручикъ Абрамовъ. Я съ ротою вышелъ вслѣдъ за ними. Уже начало свѣтать, когда мы подошли къ самымъ Казыкаламскимъ воротамъ; безъ малѣйшаго шума охотники приставили къ стѣнамъ нѣсколько лѣстницъ, которыя хватали до вершины стѣнъ. На сторожевой башнѣ, устроенной надъ воротами, въ это время зашевелился человѣкъ, единственный сторожъ, выставленный городомъ для наблюденія на этомъ пунктѣ.

Первыми полѣзли по штурмовымъ лѣстницамъ штабсъ-ротмистръ Вульфертъ, унтеръ-офицеръ военно-рабочей роты Шмельновъ и прапорщикъ Шороховъ (¹); далѣе ничего нельзя было разобрать,— всѣ подавались впередъ, обгоняя другъ друга...

Я очутился на одной лѣстницѣ съ поручикомъ Мѣсяцевымъ, остановился на второй или третьей ступени, сказавъ, что уступаю ему пальму первенства, какъ охотнику, но Мѣсяцевъ засмѣялся и сказалъ: «Что штурмовать пустыя стѣны»!

Бывшаго на башнѣ часоваго прикололъ вышеупомянутый унтеръ-офицеръ Шмельновъ.

Въ воротахъ съ внутренней стороны спало человѣка четыре или пять сартовъ, которые, по сартовскому обыкновенію, были нагіе, прикрывшись своими курпетами. Человѣка два, три были въ халатахъ; ихъ всѣхъ тутъ же прикололи или перестрѣляли въ упоръ.

Наконецъ, какъ видно, проснулись и ташкентцы. Послышались выстрѣлы. Ташкентцы большою массою засѣли въ одномъ саду у самой городской стѣны, огороженномъ высокимъ дуваломъ. Охотникамъ и взводу моей роты приказано было атаковать сады.

Градъ пуль, посыпавшихся изъ засады, обнаружилъ непріятеля; я попытался было штурмовать стѣну сада, вышиною болѣе четырехъ аршинъ, въ которой были продѣланы едва замѣтныя бойницы, но безъ артилеріи нельзя было сдѣлать никакого вреда непріятелю.

(¹) Впоследствии командиръ 17-го Туркестанскаго баталіона.

Я подбѣжалъ къ самой стѣнкѣ, рассчитывая на нее взлѣзть какимъ нибудь способомъ, но изъ-за стѣнки посыпался градъ камней, изъ которыхъ однимъ меня ушибло въ лѣвый пахъ, такъ, что я тутъ же свалился; солдаты оттащили меня назадъ, я едва пришелъ въ себя. Туда же прибѣжалъ поручикъ Абрамовъ, приведя за собою еще роту, — не упомяну какую. Посовѣтовавшись съ Абрамовымъ, что дѣлать, я нашелъ лучшимъ — забраться на городскую стѣнку и оттуда сверху открыть пальбу по саду.

Скоро сарты смекнули въ чемъ дѣло и разбѣжались до одинаго, а мы съ поручикомъ Абрамовымъ пошли впередъ по карнизу стѣны; одинъ взводъ разсыпанъ былъ цѣпью внизу стѣны, который перестрѣливался съ сартами, засѣвшими въ своихъ садахъ на деревьяхъ, какъ вороны.

Скоро предъ нами показался редутъ большихъ размѣровъ, насыпанный къ стѣнкѣ съ воротами подъ нимъ; на этомъ редутѣ копошилось нѣсколько человѣкъ, которые съ появленіемъ нашимъ быстро скрылись. Подходя къ редуту, мы замѣтили, что саженьяхъ въ 400 отъ него стоитъ дивизіонъ или, кажется, взводъ, подъ прикрытіемъ роты; рота эта оказалась нашею; увидѣвъ насъ; они, также какъ и мы, замахали платками и вскорѣ подбѣжали къ воротамъ. Оказалось, что это была колонна полковника Краевского, высланная на этотъ пунктъ въ самый разгаръ штурма.

Дойдя до Кашгарскихъ воротъ, мы остановились. Предъ воротами была обширная площадь, на которую выходили двѣ или три улицы; одна изъ нихъ была забарикадирована.

Я подозвалъ своихъ солдатъ и, за отсутствіемъ унтеръ-офицера, поручилъ рядовому Ковальскому раскидать барикаду. Но едва мы это сдѣлали, пройдя нѣсколько шаговъ впередъ по извилистой улицѣ, мы замѣтили, что тамъ построены цѣлый рядъ подобныхъ барикадъ; разбирая ихъ одну за другою, взводъ мой увеличился присоединеніемъ къ нему навьюченныхъ мѣшками съ разнымъ хламомъ солдатъ другихъ ротъ изъ охотниковъ, но въ это время въ тылу меня, въ узкомъ переулкѣ, показалась толпа сартовъ, а вдали, впереди съ лѣвой стороны, послышалась ружейная пальба. Не обращая на нее вниманія, мы двинулись къ цитадели, и гдѣ я нашелъ полковника Жемчужникова, который мнѣ сказалъ, что онъ прошелъ съ двумя ротами и двумя орудіями чрезъ весь городъ, не встрѣтивъ нигдѣ значительнаго сопротивленія. Вскорѣ полковникъ Жемчужниковъ отправился назадъ къ нашей позиціи. Я двинулся за нимъ. У Казыкаламскихъ воротъ, около прекрасной мулушки, осѣненной

многолѣтними деревьями, я расположилъ свою роту и самъ, что называется, уснулъ сномъ богатыря, выпивъ предъ этимъ добрыхъ чары двѣ водки. Но не долго пришлось мнѣ отдыхать, и моей ротѣ приказано было стать на передовую позицію.

Ночь прошла совершенно спокойно. Я выставилъ отъ обѣихъ ротъ сильную цѣпь парныхъ часовыхъ, назначилъ патрулей и рундъ для провѣрки исправности ночнаго караула.

Спустя немного времени, придвинулся къ моей позиціи взводъ батарейной артилеріи; прибывшій съ нимъ генераль Черняевъ приказалъ мнѣ быть въ прикрытіи этихъ орудій.

Открытая ими бомбардировка продолжалась и всю слѣдующую ночь съ небольшими перерывами. Утромъ 17-го числа показались тамъ и сямъ сарты, которые бились въ догорающихъ сакляхъ,—это были, конечно, байгуши, желавшіе чѣмъ нибудь поживиться.

Вскорѣ явилась депутація отъ города съ предложеніемъ сдаться, и затѣмъ дѣйствія наши были кончены.

Гилярій Сялковскій.